БАТЯЕВА
Валентина Степановна

Прозаик, журналист, член Союза российских писателей (2004).

Родилась 20 апреля 1950 в с. Слава Мазановского района Амурской области. Училась в школе-интернате № 5 п. Пионерский Мазановского района. Окончила Иркутский геологоразведочный техникум, работала геологом в Хабаровском крае. Первые зарисовки и очерки о геологах опубликованы в многотиражной газете «Горняк Солнечного» (1975). Была корреспондентом газет «Знамя труда», «Рыбак Приморья», радиостанции «Тихий океан». В 1983, переехав в Кишинёв (Молдавия), продолжила журналистскую деятельность и начала писать прозу: её статьи, очерки, рассказы печатались в «Комсомольской правде», в журналах «Крестьянка», «Лит. учёба», в московском альманахе «Истоки», в молдавских журналах «Горизонт», «Кодры» (в нём опубликована первая повесть – «Брат мой Авель»). Работала в многотиражке «Швейник», внештатным корреспондентом «Советской Молдавии», в газете «Время». Член Ассоциации русских писателей Молдовы (1992). С 2003 живёт в Белогорске.

СОЧИНЕНИЯ:

Тихие воды: Повесть, рассказы. Кишинёв: Лит. артистикэ, 1990

Белый соболь удачи: Рассказы и повести. Кишинёв: Инесса, 2003

Дом здоровья: Об отделении дневного пребывания Центра социального обслуживания населения // Сигнал-Инфо. 2006

Солдат Второй мировой Леонид Дремов: [Об участнике Великой Отечественной войны Л.В. Дремове из г. Белогорска] // Городская газета Белогорска. 2010. 25 февр.

ЛИТЕРАТУРА:

Лефтер Э. На стыке веков и культур; Заметки о русской литературе Молдовы. Chişinău. Ruxanda. 2000

Черных Б. И. Валентина // Русский берег. №17. 2008. Июль

Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 61–62

Клавкина коса

Рассказ

В том году черёмуха не в обычай рясно цвела. Деревенская улица словно белой кисеей завесилась, под ногами лепестки снежными хлопьями, а запах такой, что голова дурная делалась. Девки и вправду будто с ума посходили: такого прежде никогда не было, чтобы весной замуж выходить — по старинной примете в мае семью создавать —

всю жизнь маяться, — а тут сразу четыре свадьбы отгрохали. Ну не диво ли? А когда поздняя черёмуха отцвела — новое дело всю деревню всколыхнуло. Ясным утром в своём дворе старая Дулёна била Клавку и приговаривала:

— Немтырь несчастная! Господи, прости! Тебе сколько раз говорено — не ходи к нему? А ты, бессовестная, опять бегала?! Он же смеётся над тобой!.. Ну, подумай, зачем ему немая баба? И-и-их! — драла она дочку за волосы.

Золотистая, закручивающаяся на конце в локоны, густая Клавкина коса растрепалась, волнами укрыла заплаканное лицо. Едва вырвавшись из цепких рук старухи, немая отбрасывала волосы с глаз и жалобно смотрела на плачущую злую мать. Потом снова и в который уже раз показывала, как её любит Пашка. Она прижимала обе руки к левой груди — так прижимал к сердцу, целовала себе ладони — так он её целовал. Рассерженная Дулёна с новой яростью набрасывалась на немую и кричала соседкам, собравшимся у ворот:

— Вот дал мне бог наказание! Мало, что немая, так ещё и беспутная!.. То-то, гляжу, он всё у нашего забора вьётся, чёрт хитроглазый. Разве ж могла подумать, что на немую соблазнится? — Она снова замахнулась на Клавку. — А нонче пошла в сад, смотрю — сидят под черёмухами, обнимаются. У-у, сатана рыжая, глазищами-то зыркает, — долбила она дочь. — Как отвадить того, бессовестного, ума не приложу! «Люблю, — передразнила она Пашку, — жениться на ней хочу». Разве я не знаю? Потешиться захотелось над безответной калекой, — горько заключила она.

А Клавка, словно понимала, что говорит мать людям, яростно мотала головой: «Нет, не тешится, любит! — кричали её полные слёз глаза. — Он жениться на мне хочет, — объясняла она матери и соседкам, — у нас детки будут!» — качала Клавка на руках воображаемого ребёнка.

— Вот это тебе и будет! — закричала Дулёна, побледнев. — Сделает ляльку и бросит.

Она показала Клавке, как Пашка потом будет на неё плевать и проходить мимо.

— Мало мне тебя, калеки, на старости лет, так ещё родишь такого же урода-сураза! — в сердцах заключила Дулёна, больно дёрнув Клавку за косу.

— Ты, Дулёна, погоди девке волосья-то драть, — остановил старуху бригадир Игнат. — Надо парня в Совет пригласить, там и разобраться, поговорить как следует. А девка-то что, она как ребёнок. Над ней на-

25 3. БВ17-0605

смехаться нельзя. Даром что красавица, кабы ещё говорила!... А умом — дитя, — рассудительно закончил он. — Вот к вечеру и приходи в сельский Совет. Пашку призовём, разберёмся.

Люди стали расходиться, а Клавка, сердцем почуяв беду, бросилась к матери. Маячила руками, что, мол, придумала, тормошила её — скажи!

Дулёна оттолкнула дочь:

— Иди, шалава. Будет твоему жениху, тьфу ты господи, на орехи. Люди добрые горемыку в обиду не дадут...

Клавка заметалась по двору. Уйти мать не позволит, держала в строгости, чуть что — лупцовка, а уж сегодня и подавно не отпустит. А ей хотелось побежать к Пашке, предупредить: беда, что-то плохое придумали соседи. Она не находила себе места ни во дворе, ни дома.

— Ишь разбегалась, чего загоношилась? — прикрикнула, выйдя из сарая с тяпками в руках, Дулёна. — Вон пошли на огород, картошку пора полоть. Не всё тебе по кустам с парнями шляться. На огороде-то живо блажь пройдёт.

Клавка покорно взяла из рук матери тяпку. Картошка ещё только взошла, и травы было мало. Они до вечера пропололи большую часть огорода. Солнце склонилось к закату, когда Дулёна махнула рукой:

— Хватит, завтра закончим.

Загнали во дворы скотину; тогда Дулёна накинула на плечи цветастый платок, велела Клавке со двора не ходить и пошла в сельский Совет.

А немая, умывшись и воткнув в причёсанную косу черёмуховый цвет, села на скамейку у ворот. Ждала, выглядывала на улице Пашку.

Пашка работал на дальнем поле — боронил ранние посевы. Вернулся поздно; у дома его встретила мать.

— Ну, доигрался, дотешился? — протягивая полотенце, запричитала Семениха. — Вон Дулёна в Совет пошла, сейчас за тобой прибегут. Уже приходили...

Пашка взял полотенце и пошёл по проулку на речку умываться, на ходу бросил матери:

— Ну и что? Жениться буду, я не против, так и скажу.

— Ты с ума сошёл! — не своим голосом заорала вдогонку Семениха. — Отец приедет, он тебе женится! Выросла женилка, жених? Девок ему мало — на немой жениться вздумал! И чем его приворожила эта рыжая ведьма? — сокрушалась Пашкина мать, обращаясь к соседке, загонявшей во двор блудливую корову. — Что с парнем сделалось?.. Как с ума сошёл. Вот горе, так горе...

Соседка посмеивалась:

— А косой и приворожила! Ни у одной девки такой нет. И глазами зелёными. Вон сидит на лавочке, жениха дожидается... А ведь красавица и работящая... Кабы говорила, первая невеста была бы! На твоего Пашку не взглянула бы, — подковырнула соседка Семениху.

— Тебе смешки, а мне горе, — обиделась Семениха. — Вбил в башку — женюсь и всё. Уже всю весну талдычит...

— А ты его в город отправь, — рассудила соседка. — Там девчата смелые, забудет про Клавку, женится, привезёт тебе невесту.

— Вот вернётся отец из райцентра, пусть сам решает, — размышляла Семениха. — И то правда, может, остепенится, одумается?

Пашка не стал ждать второго приглашения, пошёл в сельсовет. Торопливо прошёл мимо Клавки, поднявшейся ему навстречу, махнул рукой:

— Знаю уже всё. Сейчас вернусь.

Мать погрозила ему вслед пальцем:

— Иди уж, иди, безмозглый. Ждут его, а он ещё возле девки крутится.

В кабинете председателя сельсовета собрались депутаты. Бригадир Игнат сидел за столом, он и начал первый.

— Ты вот что, Пашка, знаешь, зачем тебя вызвали?

— Уж как не знать, вся деревня смеётся, — огрызнулся тот, садясь на стул возле двери.

Дулёна на него не смотрела, поджав губы, теребила пальцами угол платка.

— Ну, раз знаешь, тогда давай говорить прямо, — вздохнул Игнат. — Ты девку не трогай, она и так от природы обиженная. А то ведь с этим законы строгие. Баловаться мы тебе не позволим. Над калекой смеяться — не мужское дело. Ну подумай, с кем ты связался? Давай депутатам обещание, что больше к Клавке не подойдёшь. Ты молодой, тебе жениться надо. Сам ведь говоришь — вся деревня смеётся. Нечего над беззащитной смешки строить.

— Да кто вам сказал, что я смешки строю? — не выдержал Пашка. — Я её люблю, и она меня любит.

Все засмеялись.

— Ты того, соображай, что говорить... Любит! Откуда ты знаешь, что она любит? Она ж не говорит ни слова! Знаем мы эту любовь, — постучал по столу Игнат.

— Это она вам ни слова сказать не может. А я её понимаю, — горячился Пашка.

Он не знал, как доказать людям, что действительно понимал всё, что говорила ему руками и глазами Клавка. И все опять рассмеялись.

— Под суд пойдёшь, если что с девкой сотворишь. Понял меня, парень? Вот так в постановлении и запишем, если Клавкина мать ещё раз пожалуется, передать дело в следственные органы. А ты подумай, как дальше жить, — Игнат сел, строгим взглядом обвёл депутатов: нельзя, чтобы серьёзное дело — судьбу человеческую — в смешки перевели.

— Сказал же — люблю! И не обижу никогда! Да идите вы со своими следственными органами!.. — заорал Пашка и выскочил в дверь.

Бригадир повернулся к Дулёне:

— А ты тоже... за дочкой смотри! А то наделают они дел со своей любовью. Конечно, про женитьбу это он зря... Кто же не понимает — не пара они. Да, вишь, молодые, кровь играет. Клавке-то тоже любо, что с ней, как с остальными девчатами, парень гуляет.

Депутаты поговорили ещё немного и стали расходиться по домам.

У крыльца сельского Совета стояли Пашка, Семениха и Клавка. Пашка держал мать за руки; та закричала вышедшей Дулёне:

— Вон смотри — сама она к нему липнет! Прибежала, встречает!.. Ты, Дулёна, ей космы-то обстриги! Ишь, распустила гриву, цветок воткнула! Гривой-то она его и присушила! Ну что смотришь, бессовестная! — повернулась она к Клавке.

Дулёна взяла дочку за руку:

— Пойдём, пойдём отсюда. Ты-то, бессловесная, всё равно ничего не поймёшь.

А Пашкина мать, не слушая уговоров сына, ещё раз крикнула Дулёне:

— Остриги косу-то, говорю, ведьме своей! Сгубит мне парня!

Дома Дулёна долго не могла успокоиться, потом вздохнула:

— Не отстанет Пашка от Клавки. Да и Семениха на язык остра — не дадут немой покоя в деревне. Ославят. Видно, правда, надо косу отрезать...

И когда спала уже Клавка на узкой своей кровати за печкой, Дулёна отыскала большие ножницы, которыми овечек стригла, и тихонько отрезала ей косу под самую макушку. Долго, вздыхая, держала в руках золотой, вьющийся сноп Клавкиных волос, перебирала пальцами крутые локоны. Потом, завернув в газету, сунула свёрток под крышу сарая.

Утром, обнаружив, что с ней сделала мать, Клавка заплакала. Она показала: лучше б ты меня зарезала — и повязала на голову белый платочек.

Зелёные глаза её горели злым огнём, и тонкие коричневые брови хмурились...

Вернулся Пашкин отец из райцентра, был у него с сыном серьёзный разговор. Никита Фомич от женитьбы не отговаривал, больше слушал, согласно кивал головой. Одно попросил: про Клавку пока забыть, не бегать украдкой на свидания. Пусть страсти угомонятся, Дулёна с Семенихой успокоятся.

Недаром Пашкин отец головастым слыл. Каждый вечер ненароком вроде заводил разговор про свои молодые годы, про то, как с матерью поженились, первенца Пашку нянчили. По рассказам выходило: обо всём он с женой совет держал. Пашка слушал и не замечал, как каплю за каплей вливал отец в его сердце сомнение. А стоило засомневаться, сразу на ум пришло, что нелегко будет всю жизнь с немой прожить. Выдержит ли?

Отец и здесь подсказал: кончится любовь, как всё на свете кончается, придёт на смену жалость, а за ней — ненависть. С ненавистью в душе век долгим покажется...

Немного времени Никите Фомичу понадобилось подбить сына в город перебраться. Рано утром, когда спала ещё деревня, проводил он Пашку по проулку, от людских глаз подальше, на берег протоки, посадил на теплоход и довольный домой вернулся.

...Целую неделю Клавка не выходила со двора. В выходной день Дулёна, вернувшись из магазина, весело объявила:

— Всё, уехал твой жених. Накрутил ему отец хвоста. Теперь в городе другую найдёт, с накрашенными глазами, — показала она дочери.

Клавка зло мотнула головой, помаячила руками:

— Меня любит, вернётся. Вот вырастет коса, — показала она на голову, — и он вернётся.

Она прижала руки к сердцу, поцеловала ладони, показывая матери, как будет обнимать её Пашка.

Так и ходила Клавка в платочке. Потом, когда зацвела крапива, она, обжигаясь до волдырей, собирала её соцветия и листья. Копала за огородом и сушила корни репейника, рвала берёзовый лист. А по субботам мыла волосы в зелёном отваре трав. Потому что верила: отрастёт коса, вернётся Пашка и прижмет её к своему сердцу.